

ПРОГУЛКА НА ИМАТРУ.

А. Ярославцова.

Издана по повелению
Императорской Академии наук
в Санктпетербургѣ, 1858 г.

==

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1858.

гѣ такъ много говорятъ объ увеселеніяхъ всякаго рода, а о наслажденіи такомъ, какое испытываешь въ доступной каждому прогулкѣ за полтора ста верстъ, — почти ни слова! Кто виноватъ? . . .

Ты не будешь требовать отъ меня ученыхъ, серьезныхъ изслѣдованій, потому что цѣль прогулки была только Иматра, и что вся поѣздка совершена въ пять дней. Опишу, однакоже, все видѣнное мною сколько возможно подробнѣе. Подробности, правда, не въ модѣ, но — вѣдь мы съ тобою не поклонники моды. Впрочемъ и самое полное описаніе никогда не представитъ предметовъ такими, какими они представляются глазамъ самого зрителя. Я упомяну даже о дорожныхъ издержкахъ, и вотъ съ какою цѣлью: наши добрые пріятели, молодой художникъ В*, и любитель рѣдкостей природы Ф*, напрасно затрудняются съѣздить въ Финляндію, раздумывая объ издержкахъ, чѣмъ и я, по незнанію, затруднялся. Покажи имъ это письмо, оно уничтожитъ ихъ сомнѣніе, и

они, по прїѣздѣ въ Петербургъ, вѣрно не замедлятъ отправиться въ Финляндію, изображеніемъ которой такъ плѣнялись еще въ письмѣ незабвеннаго Батюшкова.

Поѣздку совершилъ я вмѣстѣ съ нашимъ добрымъ Т*. Не буду съ тобой церемониться, предпочту правду золотой лжи. Какъ обязанные службою, мы выбрали, для нашего путешествія, встрѣтившіеся три дня праздничные и къ нимъ прибавили два будничныхъ. Еще за трое сутокъ взяли мы билеты на пароходъ, *Викторія*, отправляющійся по субботамъ, отъ набережной Васильевскаго Острова въ Выборгъ, Фридрихсгамъ, Ловизу и Гельсингфорсъ. Есть разныя дороги на Иматру отъ Петербурга: — по шоссе до Выборга, немного утомительная; — по Невѣ до Шлиссельбургѣ и, пожалуй, до Валаама, откуда можно пуститься на Саймскій каналъ, потомъ на Иматру, и черезъ Выборгъ возвратиться на пароходѣ въ Петербургъ. Дорога эта, говорятъ, самая интересная; но какъ она требовала бѣль-

шаго времени, нежели какое намъ досталось, то мы и рѣшились на избранный нами кратчайшій путь. Первыя мѣста на пароходѣ Викторія, въ особыхъ каютахъ, стоять до Выборга пять рублей съ персоны; намъ каюта нужна была только для укрытія отъ дождя, потому мы взяли мѣста въ общей каютѣ, по четыре рубля, съ правомъ быть и на всей палубѣ. Последнимъ правомъ мы и воспользовались во всю дорогу. Мы не взяли съ собою никакихъ кладей и рѣшительно освободились отъ всякой ежедневной заботы: души наши были чистыми листками, на которыхъ все новое могло отпечатываться съ фотографическою точностію. Можешь себѣ представить, какъ было намъ легко.

Утромъ, въ субботу, 29 іюня, освѣжившись, по обыкновенію, въ Невѣ, и разставшись съ домашними, я былъ на пароходѣ въ девять часовъ; вслѣдъ за мною явился и мой спутникъ Т*. Утро было сѣровато, зато на сердцѣ было такъ ясно!... Пароходъ, Викторія, до-

вольно неуклюжъ снаружи, но внутри удобенъ. Пассажировъ было человекъ сто разныхъ званій и возрастовъ. Мнѣ показалось, что между ними только мы ѣдемъ погулять. Не смотря однакожь, что мнѣ не хотѣлось наблюдать въ нравственномъ мірѣ, что весь я отдавался міру физическому, я не могъ не остановить своихъ глазъ на одномъ семействѣ. Когда мы вошли въ нашу каюту, молодая дѣвица, лице которой дышало глубокимъ чистымъ чувствомъ, взглянувъ въ окно на летѣвшій мимо пароходъ, сказала молодому офицеру съ добродушною физиономіею, видно, ея брату: «Ахъ, пароходъ!» и прибавила наивно: «Поѣзжайте, Богъ съ вами!» — но съ такимъ непритворно радушнымъ желаніемъ, что я поневолѣ заглядѣлся на нее. Съ ними старикъ, вѣроятно отецъ, повидимому больной: онъ очень истомленъ и утомленъ. Взглянувъ еще на это семейство, я проговорилъ мысленно словами ея: «Поѣзжайте, Богъ съ вами!» — и мы отправились на палубу. Въ половинѣ деся-

таго раздался звонокъ, зашумѣли колеса, пароходъ отчалилъ. Пассажиры раскланивались съ провожавшими ихъ на пристани; мы послали свое *прощай* Петербургу. Сталъ накрапывать дождь; но какъ это насъ нисколько не потревожило, а путь-дорожку хотѣлось видѣть, то мы и не укрывались отъ дождя; впрочемъ онъ и самъ скоро скрылся. Мы болѣе помѣщались около рулеваго, гдѣ никто не могъ насъ развлекать. Миновавъ знакомую намъ дорогу до Петергофа, Ораніенбаума и Кронштадта, мы сдѣлались внимательнѣе къ новому для насъ пути и его окрестностямъ. Нѣсколько верстъ за Кронштадтомъ все еще равнина моря да отдаленные берега, то плоскіе, то съ возвышеніями. Легко намъ дышать морскимъ воздухомъ, весело, какъ вольнымъ птицамъ, перелетающимъ иногда черезъ нашъ пароходъ! Уже часа три плывемъ мы; аппетитъ началъ напоминать объ обѣдѣ; а не хочется выпустить и моря изъ глазъ. Наконецъ приходимъ къ каютѣ, гдѣ долженъ быть

обѣдъ, и — чуть не ахнули: убираютъ посуду, рюмки, стаканы; на палубѣ лежатъ опорожненныя бутылки... «Развѣ ужъ обѣдали?» спрашиваю я у служителя. — «Обѣдъ будетъ въ три часа», — отвѣчаетъ онъ. — «А это что?» — «Это былъ фриштикъ». — «Ну, братъ, фриштикъ-то мы и прозѣвали!» сказалъ я смѣявшемуся товарищу. Мы отправились въ буфетъ, гдѣ и утѣшились рюмкою Финской водки, которая, надо сознаться, лучше нашей, и нѣсколькими тартинками, и тѣмъ, что все это стоило только пятьдесятъ копѣекъ, вполвину дешевле фриштика: а экономія, до нѣкоторой степени, входила въ составъ нашей поѣздки. И опять помѣстились мы подлѣ рулеваго.

Но, что это? Зеленыя горы на морѣ! Это шхеры. Шхеры! — Я доселѣ не имѣлъ картиннаго понятія о шхерахъ. Это островки, съ возвышающеюся на каждомъ горою. Площадка около горы покрыта травою или кустарникомъ, а гора испещрена мхомъ, березовымъ или, преимуще-

ственно, сосновымъ и еловымъ лѣсомъ. Голые бока нѣкоторыхъ изъ этихъ возвышеній обнаруживаютъ, что это гранитныя скалы. Величина островковъ различна, самый меньшій кажется въ окружности двѣ, три версты. На водѣ они разставлены, какъ шашки на шахматной доскѣ. Глазъ едва окинетъ одинъ островокъ, какъ уже онъ мелькаетъ, и чрезъ нѣкоторое пространство лежитъ новый островокъ, а между ними взоръ уносится вдаль, встрѣчая тамъ перспективу островковъ, скрывающихся, по мѣрѣ отдаленности, въ синемъ туманѣ, или — море, слившееся съ небомъ. Почти на каждомъ островкѣ, у подошвы горы, видишь двѣ, три или болѣе хижины, иногда — даже одну.... Эта прогулка для глазъ по водѣ, по шхерамъ, по промежуткамъ ихъ, по пространству неба, при безпрестанномъ шумѣ колесъ парохода, имѣетъ что-то особенно восхитительное.... — «А хорошо бы тутъ пожить!» — говорили мы межъ собой, — «пожить вдали отъ города, на этихъ шхе-

рахъ, въ уединеніи; пофилософствовать, помечтать!»... Не знаю, думали ли прочіе спутники такъ же, только, когда мы почувствовали утомленіе и пошли узнать скоро ли будетъ обѣдъ, увидѣли, что всѣ мѣста за столомъ уже заняты. — «А гдѣ же намъ сѣсть? Мы имѣемъ билеты на обѣдъ», — сказалъ я служителю. — «Сейчасъ будетъ накрытъ еще столъ», — отвѣчалъ онъ. — Ты можешь заключить по этому, довольны ли мы были нашей прогулкою. Но ужъ второй обѣдъ мы стали караулить; и когда раскраснѣвшіеся и отиравшіе потъ съ лица труженики вышли изъ обѣденной каюты, мы вошли, въ числѣ прочихъ ожидавшихся, и усѣлись за столъ. Странно, на пароходѣ нѣтъ никакихъ объявленій о распоряженіяхъ; до всего добирайся самъ отъ служителей, которые иногда выслушаютъ вопросъ, помолчатъ, да и отвѣтятъ: «Эй мойста» (не понимаю). Насъ это, впрочемъ, забавляло; это, говорили мы, только еще интродукція къ предстоящему. — Обѣдъ, за

которымъ, въ числѣ мужчинъ, сидѣло и нѣсколько дамъ, совершился очень чинно; каждый, за семьдесятъ пять копѣекъ, получилъ хорошую закуску, четыре вкусныя блюда и чашку кофе.

Послѣ обѣда, закуривъ сигары, мы опять вышли на палубу. Прислуга, чистенько одѣтая, убирала посуду. Пассажиры располагались, гдѣ кому вздумалось; мы помѣстились уже близъ носовой части парохода, сгарая нетерпѣніемъ увидѣть Выборгъ. Островки мелькаютъ по обѣимъ сторонамъ мимо насъ; иные изъ нихъ напоминаютъ оконечности острововъ Петровскаго, Крестовскаго. Видишь, о Петербургѣ мы не забыли. — Вотъ, два большіе острова, *Біорке* и *Бискоссе* или *Березовые острова*; на нихъ раскинуто селеніе съ церковью; вотъ и *Выборгскій замокъ*. Наконецъ вдали показалось собраніе каменныхъ зданій съ возвышающеюся впереди ихъ башнею, — это Выборгъ. Вотъ мы и причалили къ деревянной пристани города.

Быль седьмой часъ вечера. При выходѣ съ парохода, намъ объявили, что паспорта наши можемъ мы получить въ полиціи. Замѣченная нами съ моря башня явилась теперь на первомъ планѣ; это — часть, такъ называемаго, замка, недавно пострадавшаго отъ пожара, и еще не исправленнаго. Мы остановились передъ замкомъ, какъ передъ почтенною стариною. Не знаю, игралъ ли этотъ замокъ какую важную роль въ историческое время, по крайней мѣрѣ настоящая наружность его не говоритъ ничего громко въ пользу исторіи. А можетъ быть, — думалъ я, — тутъ нѣкогда благоденствовалъ кто-нибудь, гроза однихъ и солнце другихъ; а теперь эта высокая лицевая стѣна, съ выгорѣвшими, очень не симметрично расположенными, и то только подъ фронтономъ, нѣсколькими окнами, со вздернутою башнею, наводитъ однѣ грустныя мысли.... Но въ сторону размышленія; цѣль наша — Иматра; надо искать пристанища.

Недалеко отъ пристани, есть, — сказали намъ еще въ Петербургѣ, — гостиница Гофмана; тамъ удобно и дешево; но — всѣ помѣщенія въ ней были заняты. Мы отправились на станцію, близъ крепостныхъ воротъ, ведущихъ въ Выборгскій форштадтъ. Пока здѣсь освободится для насъ комната, мы пустились къ знакомому, живущему на дачѣ въ Выборгскомъ форштадтѣ. Выкупавшись съ нимъ въ морѣ, мы, послѣ чая, спѣшили осмотрѣть хоть что-нибудь въ Выборгѣ. На извозничьей линейкѣ, которыя здѣсь чуть ли не дороже петербургскихъ, мы проѣхали, черезъ городъ, въ общественный садъ, находящійся въ Петербургскомъ форштадтѣ. Это довольно большой тѣнистый садъ съ длинными аллеями; при немъ есть кофейня. Гуляющихъ не встрѣтилось никого: было около десяти часовъ, а Выборгъ успокоивается рано. Садъ этотъ орошенъ съ одной стороны заливомъ, за которымъ видѣлся гористый берегъ, дремавшій въ сумракѣ, а надъ нимъ, на небосклонѣ про-

тянулось нѣсколько пурпурныхъ и золотистыхъ черточекъ, слѣдовъ укатившагося солнца. Полюбовавшись этой картиной вечера на берегу Финляндіи, мы въ первомъ часу ночи возвратились на станцію. Двери здѣсь, кажется, не замыкаются. Мы вошли, — въ комнатахъ — никого; только слышится храпѣнье. Черезъ минуту явился сонный содержатель станціи, отворилъ дверь нашей комнаты и, не спросивъ и не сказавъ намъ ни слова, исчезъ. — «Ну, что городъ, то норовъ», — сказали мы и черезъ нѣсколько минутъ пожелали другъ другу спокойной ночи.

Утромъ на другой день, не измѣняя нашихъ правиламъ, мы прежде всего выкупались въ морѣ, близъ Выборгскаго воксала, и заплатили за это удовольствіе по десяти копѣекъ въ пользу воксала, устроеннаго на берегу чуланчики для одежды. Самый воксаль, деревянное зданіе съ разводимымъ при немъ садикомъ, не имѣетъ ничего особеннаго. Печатными объявленіями возвѣщалось, что здѣсь въ вечеру

того же дня назначень, не помню чей-то, послѣдній передъ отъѣздомъ за границу, концертъ, по рублю за входъ. Значитъ, столичныя удовольствія и столичныя платы существуютъ и въ Выборгѣ, хотя жителей здѣсь и насчитываютъ не болѣе пяти тысячъ. Заплативъ на станціи за почлегъ одинъ рубль и за утренній чай шестьдесятъ копѣекъ, мы отправились походить по городу и прямо на высокую, разрисованную мхомъ скалу у залива, гдѣ мы наканунѣ пристали съ пароходомъ. На этой скалѣ разводится общественный садъ и очень кстати: видъ на море отсюда прелестный. Со скалы мы пошли по каменной отлогости, обвившей эту скалу какою-то змѣею. Остановившійся внизу добрый солдатъ совѣтовалъ намъ, для предосторожности, взять другую дорогу; но намъ хотѣлось поиграть съ трудностію; игра, къ удовольствію нашему, имѣла успѣхъ. Отсюда пошли мы по улицамъ малевькаго Выборга. Онъ почти весь изъ каменныхъ чистенькихъ домовъ, въ два и даже въ три

этажа; весь въ желтой краскѣ съ красными крышами; улицы не шире четырехъ сажень, вымощены булыжникомъ; на нѣкоторыхъ есть узенькіе плитные тротуары. Особенность улицъ та, что безпрестанно надобно подыматься въ гору или спускаться съ горы. Иногда заглянешь во дворъ дома и видишь, какая-то гранитная лысина выставилась изъ подъ земли и, какъ голова каріатиды, поддерживаетъ домовую стѣну. О населеніи города, по первому бѣглому взгляду, не могу сказать ничего особеннаго; о немногихъ магазинахъ, многихъ булочныхъ и кондиторскихъ и другихъ городскихъ потребностяхъ говорить нечего. Меня не разъ останавливала мысль, — какъ Выборгцы ходятъ по своимъ улицамъ во время гололедицы? Тутъ бывають, я думаю, и забавныя и очень незабавныя сцены. Такъ какъ день былъ воскресный, то мы зашли въ русскую церковь, гдѣ нашли много богомольцевъ; по окончаніи обѣдни здѣсь, мы зашли въ церковь лютеранскую, также полную народа.

Тутъ пасторъ проповѣдывалъ на шведскомъ языкѣ; намъ сказали, что въ двѣнадцатъ часовъ будетъ въ этой же церкви служба на нѣмецкомъ языкѣ. Кромѣ этихъ церквей есть, въ городѣ и въ Петербургскомъ форштадтѣ, еще по одной финской церкви. Дорогою зашли мы въ Выборгскую полицію, помѣщающуюся въ чистенькихъ комнатахъ. Молодой аккуратный чиновникъ, выслушавъ — кто мы и чего желаемъ, выдалъ намъ, безъ дальнѣйшихъ формальностей, наши паспорта. Былъ первый часъ дня, а какъ въ гостиницѣ Гофмана положенный часъ обѣда еще не наступилъ, а для насъ минуты были дороги, то замѣнивъ обѣдъ добрымъ завтракомъ, изъ сыра, масла, килекъ, бифстекса и стакана кофе, мы отправились взглянуть на извѣстный садъ барона Николаи, находящійся въ верстѣ отъ города.

Не раздѣляя мнѣнія однихъ, что садъ этотъ диво дивное, и не соглашаясь съ другими, что лучше было бы оставить его безъ всякихъ украшеній искусства, не мо-

гу не сказать, что садъ этотъ, въ своемъ родѣ, рѣдкость. Есть ли гдѣ еще въ саду столько огромныхъ скалъ, голыхъ или поросшихъ мхомъ и лѣсомъ. Взоръ то бѣжитъ на скалу, въ которой изсѣчены ступеньки, разставлены скамейки, бесѣдки; то летитъ по длинной аллеѣ, скатывается со скалы и гуляетъ по зеленому лужку; то прядаетъ по зыби озера и опять несется вверхъ по стоящей на ней скалѣ, вершина которой увѣнчана бесѣдкой въ родѣ замка; перенесется черезъ озеро въ сторону и опять скользитъ по скалѣ, обратится въ другую сторону, — передъ нимъ большой разливъ воды и на противоположномъ берегу опять покрытыя зеленью скалы. Виды вездѣ открываются такіе, что можно просидѣть съ удовольствіемъ часокъ другой на одномъ мѣстѣ. Воды вдоволь, перспективъ много. Другая дикая особенность здѣсь замѣтна въ растительности: встрѣчаются высокія деревья, которыя будто сидятъ на большихъ камняхъ, питаясь сокомъ земли посредствомъ тонкихъ

корней, ушедшихъ подъ камень. Искусство въ саду далеко не гармонируетъ съ угрюмою важностію природы. А мѣстность располагаетъ къ настроенію философскому и поэтическому. Сюда бы хотѣлъ я приходить съ книгою Платона, съ поэзіею Шекспира, или — слушать симфонію Бетговена!... Мы употребили около двухъ часовъ, чтобы обойти садъ и бѣгло заглянуть на все, что привлекало насъ внутри его. Можешь судить по этому о его обширности! Я еще забылъ сказать, что при входѣ въ садъ, привратница вынесла намъ кружку, въ которую каждый изъ посѣтителей опускаетъ по гривенничку въ пользу бѣдныхъ. Что жъ, тѣмъ пріятнѣе гулять, когда думаешь, что и бѣднякъ будетъ сытъ.

— «Вотъ ваши пальто; осмотрите, все ли въ нихъ, что вы оставили», — сказала намъ привратница, выпуская насъ изъ сада. — «Разумѣется, все», — отвѣчали мы, надѣвая пальто и не думая ихъ осматривать, что, казалось намъ, въ Финляндіи,

излишнимъ: честность здѣсь живетъ. По дорогѣ изъ сада мы взяли извозчика. Былъ шестой часъ, когда мы пріѣхали въ такъ называемый *Hôtel de Société*. Эта гостиница не уступитъ нѣкоторымъ изъ лучшихъ въ столицѣ; а для Выборга она вмѣстѣ и клубъ. Комнаты большія, высокія; есть билліардъ, есть карточные столы и комната для журналовъ; есть *table d'hôte*. Пока намъ привели двуконную тележку, мы напились чаю. Полные еще впечатлѣній на морѣ, картинами новыхъ оригинальныхъ мѣстностей и ожидаемаго удовольствія — увидѣть Иматру; одну изъ міровыхъ рѣдкостей, мы, какъ птицы, вспорхнули въ обыкновенную деревенскую тележку и усѣлись на куль, набитый сѣномъ. Такіе болѣе или менѣе удобные *экипажи* подавали намъ на всѣхъ станціяхъ до Иматры и обратно. Для желающихъ найдутся и шарбанъ, и коляски; но намъ было не до удобствъ: — «На Иматру!» — въ восторгѣ повторяли мы межъ собой.

Чудно, братъ, это быстрое, безопасное

передвиженіе съ мѣста на мѣсто! Понятно становится счастье воздушныхъ жителей!...

Вотъ, мы выѣхали изъ города; скоро миновали дорогу до Петербургскаго форштадта; пронеслись по форштадту, состоящему изъ деревянныхъ домиковъ, и помчались.... Посто́й: нельзя не упомянуть. Въ концѣ форштадта замѣтили мы отстраивающійся большой деревянный домъ. Нашъ извозчикъ-Финнъ, съ какимъ-то умиленіемъ, объяснилъ намъ, какъ умѣлъ, что этотъ домъ строятъ петербургскіе господа для безпріютныхъ сиротъ въ Финляндіи.... И мы помчались по гладкой почтовой дорогѣ. Слово *помчались* здѣсь незамѣнимо: лошади, кажется, не бѣгутъ, а летятъ. Нѣсколько верстъ надобно было привыкать къ этой ѣздѣ въ тележкѣ, а потомъ—потомъ къ чему не привыкнешь, особенно если непріятность соединяется съ предстоящимъ удовольствіемъ. Только на скатѣ съ горъ должны мы были держаться другъ за друга и за края нашего безрессорнаго экипажа: тутъ лошади не-

суть сломя голову. При этой быстрой ѣздѣ, декорации безпрестанно перемѣняются: то ѣдешь лѣсомъ, у опушки котораго разбросаны рукою нечеловѣческой огромные камни; то выѣзжаешь на широкую поляну, обставленную справа и слѣва высокими скалами, подъ гребнемъ елей, съ обнаженными или испещренными мхомъ гранитными боками, у подошвы которыхъ пріютились двѣ, три хижинки и разлилось озеро; то въѣзжаешь въ долину между лѣсистыхъ скалъ; или — передъ тобою гора, на которую лошади взбѣгутъ до половины и пойдутъ шагомъ до самой маковки, откуда уже такъ понесутся, что духъ займется, и отдохнешь только тогда, когда тележка загремитъ по деревянному мосту черезъ рѣчку. — «Дивно, да и только!» — скажемъ мы, улыбаясь другъ другу, и опять несемся по гладкой дорогѣ, въ какомъ-то сказочномъ мірѣ....

Почтовые извозчики въ Финляндіи, какъ и вообще Финны, угрюмы, мало понимаютъ неродной языкъ; но ласковое обра-

щеніе дѣлаетъ ихъ развязными до нѣкоторой степени, такъ что иногда только незнаніе чужаго языка мѣшаетъ ихъ разговорчивости. Они довольно опрятно одѣты. Гоньба по почтовой дорогѣ, кажется, единственный ихъ промыселъ. Станціонные домики чисты. Везшій насъ изъ Выборга Финнъ, подъѣзжая къ первой станціи, отвѣтилъ весело на вопросъ — какъ добыть лошадей? — «Вы скажите рѣпка» (т. е. крѣпко крикните). Но намъ не хотѣлось командовать, тѣмъ болѣе, что къ намъ тотчасъ же вышло нѣсколько чело-вѣкъ, которые, по обычаю всѣхъ простолюдинъ, начали посматривать на насъ, разтабаривать съ нашимъ извозчикомъ, межъ собою. — «Лошадокъ, лошадокъ да-вайте», — сказалъ я такимъ тономъ, въ какомъ заказываютъ обѣдъ къ завтраму. Но не прошло и десяти минутъ, какъ уже подвели другую тележку съ молодымъ лѣтъ двадцати пяти Финномъ. До первой станціи отъ Выборга платится по 4½ ко-пѣйки за версту на лошадь и, кромѣ того,

дается извозчику, за всю дорогу до стан-ціи, гривенникъ, не знаю — на водку или такъ-себѣ; а далѣе платится уже по 2½ копѣйки за версту, съ такимъ же прибав-леніемъ гривенника. Станція, гдѣ мы ос-тановились, называется *Jarrinen*, какъ объявилъ намъ путевой столбъ, и отстоитъ отъ Выборга на шестнадцать верстъ. Это разстояніе сдѣлали мы въ часъ и двадцать минутъ, и опять помчались по гладкой Финляндской дорогѣ. Картинность угрю-мой мѣстности украсилась вечерними ту-манами, сквозь которые то за лѣсомъ, то надъ горою, то между горъ являлась лу-на. Нашъ Финнъ хотѣлъ закурить свою маленькую трубку; мы дали ему сигару; она очень расположила его. Окончивъ си-гару, онъ сталъ потихоньку напѣвать. — «А вотъ, хочешь, мы споемъ русскія пѣ-сни?» — сказалъ я. — «Пой», — прого-ворилъ, улыбаясь, Финнъ. Послушавъ на-шихъ пѣсенъ, которыя на дрожащей те-лежкѣ выливались непрерывными трелями, Финнъ сказалъ: — «А пѣть по фински?» —

«Ну, спой». — И Финнъ началъ пѣть пѣсню за пѣсней, то заунывную, то веселую, то разгульную. Никакъ не могъ оцъ выразумѣть, какъ мы ни пытались, нашихъ распросовъ, — поютъ ли они когда пѣсни въ нѣсколько голосовъ. Но и въ пѣсняхъ Финна выражается угрюмая природа; это не наши заунывные или разгульные, раздирающія или восторгающія сердце пѣсни; нѣтъ это мелодіи жителя въ уединеніи, на далекомъ разстояніи отъ собратій. Бѣда только, если Финнъ запоетъ веселую: лошади рванутся бѣжать такъ, что едва усядешь въ тележку. До новой станціи *Witika*, отстоящей отъ первой на пятнадцать верстъ, мы домчались въ часъ. — «Это мой танцъ», — сказалъ Финнъ самодовольно, остановивъ лошадей и слезая съ тележки. — «Ну, вотъ, всю дорогу пѣлъ, а теперь хочетъ танцовать!» — сказалъ смѣясь, мой товарищъ. Оказалось, что *танцъ* или станція, очень порядочный домикъ, въ которомъ проѣзжіе иногда останавливаются для ночлега. Какая-то акку-

ратная старушка, вѣроятно, содержательница станціи, вышла къ намъ и просила записать въ книгѣ число, имя, куда ѣдемъ и сколько беремъ лошадей. Заплативъ за провозъ, мы разстались друзьями съ нашимъ пѣвцомъ-извозчикомъ и со всѣми, которые хлопотали около новой тележки, и которымъ, казалось, отрекомендовалъ насъ пѣвецъ нашъ. Легко сблизаться съ простыми дѣтьми природы.

Новый нашъ Финнъ, мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, везъ насъ медленнѣе прочихъ: хотѣлось ли ему спать, — было около полуночи, или нездоровилось ему, — Богъ его знаетъ. Ни Русскаго, ни Нѣмецкаго слова не понималъ онъ; наше участіе нисколько не могло измѣнить его непонятнаго расположенія. Наконецъ мы и сами почувствовали утомленіе. Послѣ почти двухчасовой ѣзды, на разстояніи четырнадцати верстъ, мы прибыли на станцію, *Kuivutanprohia*. Не прошло однакожь и пяти минутъ, какъ изъ за угла станціоннаго домика, выѣхала для насъ тележка,

съ возникимъ, въ видѣ мраморнаго истукана. Въ бѣломъ суконномъ армякѣ, безъ пояса; съ густыми русыми волосами, торчавшими изъ подъ синей фуражки, онъ сидѣлъ прямо на доскѣ, положенной на края телеги, свѣсивъ ноги въ телегу и протянувъ руки съ возжами на воздухѣ. Этого положенія не измѣнилъ онъ во всю дорогу, и, не заводя съ нами рѣчи, не понималъ самъ ни слова, ни даже жеста; былъ ли у него языкъ, — и того не могли мы замѣтить въ сумеркахъ. По крайней мѣрѣ, везъ онъ насъ ровно и скоро.

Время ночное, тишина въ горахъ и пустыняхъ Финляндіи утомили насъ; уже и межъ собою перемолвливались мы лѣниво; сильное желаніе быть поскорѣе на мѣстѣ одолѣвало нами. Почти на каждой верстѣ напрягалъ я вниманіе, — не услышимъ ли шума Иматры; но — только громотокъ нашей тележки и досадный звонокъ на шеѣ лошади раздавались въ ночной тишинѣ. — Есть, однакоже, своего рода удовольствіе въ этомъ напряженномъ состояніи духа. —

Вотъ, уже пять верстъ остается до цѣли нашихъ желаній. — «Слышишь», — говорю я товарищу, — «кажется, шумитъ водопадъ!» — И опять ѣдемъ далѣе. При всемъ утомленіи, новость и дикая оригинальность страны увлекаютъ насъ. Еслибъ я былъ художникъ, сколько картинъ увезъ бы я изъ Финляндіи не въ одномъ только воображеніи!... Для думы это время было просторомъ, но не для меня, который ѣхалъ въ первый разъ, какъ ребенокъ, получившій позволеніе побѣгать по лужку. — «Слышишь! слышишь! — шумитъ!» — сказалъ я товарищу шепотомъ, обращаясь самъ весь въ слухъ. До Иматры уже только двѣ версты. Вотъ шумъ яснѣе и яснѣе. Вотъ какая-то рѣшетка; при ней на столбѣ надпись: «*Къ Иматрѣ*».

— «Стой! стой!» Но надобно было остановить Финна за руку: онъ равнодушно озирался и ничего не понималъ. Я соскочилъ съ тележки и побѣжалъ къ воротамъ. Шумъ, какъ отъ огромнаго лѣса во время бури, грохотъ, жужжанье, шипѣнье,

всплески и розсыпи воды невольно увлекали къ мѣсту, гдѣ все это происходило. Отворивъ запертыя щеколдою, рѣшетчатые ворота, я вошелъ на дворъ: налѣво домики, передо мною какой-то павильонъ. Я — за этотъ послѣдній. Подбѣгаю къ периламъ и шагъ назадъ: страшно! сердце сжалось. Въ черной гранитной ложбинѣ ворочается, рвется, вспрыгиваетъ, мечется какое-то чудовище, покрытое гремящею чешуею.... Вотъ первое впечатлѣніе Иматры на меня. Я возвратился къ моему спутнику, произнося только: «Страшно! страшно! — Слѣзай скорѣе, пойдемъ, здѣсь» Расплатившись съ извощикомъ, мы побѣжали къ Иматрѣ. Усталость и голодъ были забыты. Какъ ребятишки стояли мы нѣсколько минутъ у перилъ на краю водопада. Глазамъ стало тяжело отъ клубящейся воды, стремящейся и бьющейся о камни. Мы спустились по деревянной лѣстницѣ ближе къ водопаду; потомъ, по крайней тропинкѣ пошли внизъ. Шумъ, грохотъ, визгъ воды

оглушительнъ. Внизу водопада есть бесѣдка, мы сѣли здѣсь.

Вообрази два озера, одно выше другаго почти на пять сажень. Такъ представляются намъ изъ бесѣдки части рѣки Вуоксы, чрезвычайно неправильной въ своемъ теченіи. Эти два озера соединены длинною каменною ложбиной, образовавшеюся отъ расщелины скалы. Одинъ бокъ немного нависъ, въ родѣ отломанной арки, другой, отлогій, изъ гранитныхъ конусовъ, или острыхъ вершинъ скалъ, какъ бы отъ землетрясенія вдвинувшихся въ нутро земли. Между такими-то стѣнами бьется черезъ невидимыя препятствія, вѣроятно, кряжи скалъ, шумящая громадная масса воды въ самомъ мятежномъ видѣ, образуя какую-то серебряную гору. Вотъ — первый взглядъ на Иматру.

Было три часа. Утро наступало. Природа пробуждалась. Солнце, какъ розовый шаръ, между протянувшихся сѣреныхъ облаковъ, подымалось надъ Вуоксою, прямо противъ насъ, такъ что глаза, взбѣ-

гая по пѣнящейся Иматрѣ, скользя по клубящейся, между зелеными берегами, Вуоксѣ, невольно приковывались къ его розовому лику. Что за восхитительное зрѣлище! Невольно, въ этихъ дикихъ, но увлекательныхъ мѣстахъ, пришелъ мнѣ на память прекрасный гимнъ слѣпаго старика, Оссіана, къ Солнцу, гдѣ онъ сравниваетъ его съ круглымъ щитомъ своихъ предковъ...

Вверху, гдѣ Иматра образуетъ, между высокихъ гранитныхъ боковъ, первый уступъ, безпрестанно видѣются какъ бы два водяные снопа, съ серебряными колосьями. Брызги, разлетающіяся отъ нихъ и просвѣчиваемыя солнцемъ, уподобляются какимъ-то разноцвѣтнымъ прозрачнымъ камешкамъ. Вся остальная часть Иматры представляется громадною горою сѣрова-то-зеленоватаго цвѣта, подъ серебряною, густо набросанною въ углубленіяхъ пылью. Воображеніе начинаетъ видѣть въ бурномъ потокѣ какихъ-то наядъ, которыя плещутся на зарѣ, играютъ, мѣчутся, перепрыгиваютъ одна черезъ другую; взлетающія и

разсыпающіяся брызги опускаются надъ ними хрустальнымъ дождемъ.

Но вотъ, небо выяснѣло; солнце облило золотомъ всѣ предметы. Вуокса поси-нѣла. Иматра грохочетъ. — «Нѣтъ, братъ, пойдѣмъ, соснемъ хоть часъ, чтобы свѣ-жимъ глазомъ полюбоваться на эту дикую красавицу», — сказалъ я товарищу. Но, увы! въ которомъ изъ домиковъ найдти хо-зяина? Надписей нѣтъ; а не хочется по-стучаться въ дверь, за которою покоятся, можетъ быть, утомленные, какъ и мы, лю-бопытные прїѣзжіе. А, вотъ, старушка на дворѣ. Но, — что это за старушки попа-даются иногда въ Финляндіи! На нихъ нѣтъ человѣческаго образа: она едва двигается; сморщенное угловатое лице — будто ко-мокъ огрубѣлой кожи; слезящіеся глаза въ узенькихъ прорѣзкахъ — чуть смо-трятъ. А между тѣмъ это существо, по-нявъ только слово *макоме* (спать), охотно пошла и поговорила сонной молодой дѣ-вушкѣ, вышедшей изъ хлѣва съ тремя ко-ровами. Старушка погнала коровъ со дво-

ра, а дѣвушка, насупясь сердито и не смотря на насъ, ушла въ отдѣльный домикъ, оказавшійся кухнею, и заперла за собою дверь. Мы остались опять одни, улыбнулись и пошли со двора на произволь судьбы, погулять терпѣливо по большой дорогѣ, посмотрѣть на Вуоксу. Досадно, что мы не запаслись ничѣмъ для утоленія голода. Мы прошли версты полторы. Утро прелестное, воздухъ освѣжительный, небо голубое; зелень хоть и сѣверная, не пышная, блеститъ росю; за нами шумъ Имастры; вправо синяя стекловидная Вуокса, являющаяся то между деревъ, то открыто, съ разсѣянными по ней бѣлорунными стадомъ дробящейся черезъ камни воды. Мы остановились у одного изъ нѣсколькихъ ея пороговъ: онъ состоитъ изъ высунувшихся камней, черезъ которые хлещетъ вода. Вуокса, какъ извѣстно, не есть правильно текущая рѣка, она то суживается въ проливъ, то расширяется въ озерки. На этихъ озеркахъ есть островки съ зеленью, съ деревьями; любуешься ими,

но никакъ не подплывешь къ нимъ отъ множества подводныхъ камней, черезъ которые вода разсыпается кипящими буграми, и отъ быстроты стремленія по наклонному дну. Иногда видишь на рѣкѣ рядъ камней, черезъ нихъ плещетъ вода, а на одномъ изъ нихъ стоитъ кудрявая береза. Какъ она тутъ, какъ не смоесть ее потокъ, — удивляешься, да и только. Диковинокъ на Вуоксѣ, тянущейся на 170 верстъ, я думаю, не оберешься, но ея громадная рѣдкость — Иматра. Къ ней-то мы и вернулись. Было около семи часовъ утра. Дорѣгою встрѣчались намъ опрятныя Финскія женщины, дѣлали, по обычаю своему, книксъ, вѣроятно, выражая этимъ желаніе добраго пути. На дворѣ у Иматры увидѣли мы опять дѣвушку, но уже совсѣмъ пробудившуюся. Вопросовъ нашихъ она не понимала, но когда мы произнесли имя Эриксена, смотрителя Иматры, — какъ намъ сказали еще въ Выборгѣ, — она взошла на крыльцо павильона и постучалась въ окно.

Наконецъ-то мы въ павильонѣ. Услужливый, доброхотный Эриксенъ, какимъ онъ являлся во весь этотъ день, — а ужь какимъ показался намъ теперь, такъ и не высказать, — принесъ закуску и отвелъ намъ, въ домикъ на дворѣ, комнату съ двумя чистенькими постелями. Крѣпкій двухчасовой сонъ ободрилъ насъ. Въ десять часовъ мы были уже на ногахъ. Иматра шумитъ. Намъ вздумалось покупаться въ Вуоксѣ. Проводникъ, данный намъ Эриксеномъ, указалъ мѣсто для купанья сажень на полтораста отъ Иматры. Мы не рѣшились отойти отъ берега въ воду далѣе двухъ сажень; и тутъ, казалось, потокомъ увлекало мои ноги. Замѣтно, что рѣка течетъ по наклонному каменистому дну: вода осталась ясною, какъ я въ ней ни барахтался. Камни подъ водою покрыты какимъ-то мягкимъ мохомъ. Наслаждение, доставленное перелетнымъ путешествіемъ, своеобразною мѣстностію, прекраснымъ утромъ, освѣжительнымъ купаньемъ, сдѣлало насъ такими-же легкими,

какими были мы только лѣтъ тридцать пять назадъ, когда были еще двѣнадцатилѣтними дѣтьми: и, съ тогдашнею же простотою душъ, запѣли мы, на берегу Вуоксы, подъ сѣнію зеленыхъ деревьевъ и голубаго неба, какъ пѣвали въ тѣ дни, любимый гимнъ: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сионь!*... Шумъ рѣки и грохотъ водопада, казалось, вторили голосамъ нашимъ. Кто внималъ намъ въ этихъ пустыняхъ, — ты поймешь. Въ ту минуту намъ не приходило въ мысль, что можемъ показаться кому-либо смѣшными. Да, пусть бы посмѣялись; и великій Шиллеръ, въ минуту радости, восклицалъ:

Seid umschlungen, Millionen!
Diesen Kuß der ganzen Welt!
Brüder — über'm Sternenzelt
Muß ein lieber Vater wohnen. *)

Мы возвратились къ павильону. Укрывшись въ зелени отъ солнечныхъ лучей, на

*) Всѣмъ — простертыя объятія!
Люди! всѣхъ лобзаемъ васъ.
Тамъ — надъ звѣзднымъ сводомъ, братья,
Долженъ быть Отецъ у насъ.

Перев. В. Бенедиктова.

краю и подъ музыку Иматры, мы напились кофе и отправились въ нашу бесѣдку любоваться дикою красавицей. Время близилось къ полудню. Солнце сильно сіяло въ голубой вышинѣ. Дѣвственная дикость, въ которой явилась намъ Иматра на зарѣ, замѣнилась теперь яримъ мужествомъ, въ его бурныхъ, бѣшеныхъ порывахъ. Утромъ, при сѣроватомъ небѣ, она не выказывалась такъ ясно во всѣхъ своихъ изгибахъ, какъ теперь при яркомъ дневномъ свѣтѣ. Хляби, принявъ теперь цвѣтъ желтовато-зеленоватый, подъ серебряною пѣною, будто разогрѣлись; онѣ, какъ накиши въ огромномъ котлѣ, безпрестанно поднимаются, опускаются и снова поднимаются, извергая крупныя брызги, которыя отъ легкаго вѣтра летятъ на берегъ. Долго глядѣлъ я на нее, наконецъ вздумалъ наблюдать направление воды. Но трудно глазу уловить стремленіе Иматры. Слово *водопадъ* нейдетъ къ ней: вода не падаетъ съ уступа на уступъ; нейдетъ къ ней и слово *водоскатъ*: пускаемая по ней любопытными огромныя

бревна не катятся по теченію, а бьются вмѣстѣ съ водою о подводные камни и разбиваются въ щепки, какъ и вода—въ брызги. Не назвать ли ужь ее *водобой*? Но что за дѣло до названій; мало ли названій, несоотвѣтствующихъ предметамъ; станемъ, сколько можно, наблюдать направленіе воды.

Длина этой водяной горы протягивается, какъ мнѣ казалось, сажень на пятьдесятъ, а ширина, на этотъ разъ, была отъ четырехъ до шести сажень, смотря по тому, какъ выдаются или углубляются гранитные бока. Говорятъ, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ масса воды увеличивается. Лѣвая скала возвышается, при устьѣ водопада, сажень на пять и идетъ почти подъ ровною линією до начала его, а правая мѣстами отлога, но равняется высотой съ лѣвою до половины водопада, откуда понижается постепенно къ устью почти до уровня воды. Части боковъ, ближайшія къ водѣ, голы и черны, будто опаленныя; потомъ по щелямъ растетъ мохъ, за нимъ

мѣстами лѣплятся желтые, голубые, алье цвѣточки, или стрѣлкою возносится молодая березка, а на поверхности скалъ стоять высокія ели и березы. Величественной, стройной, гармонической красоты нѣтъ въ этомъ водопадѣ, какъ и вообще нѣтъ ея въ видѣнныхъ нами мѣстахъ въ Финляндіи; — но оригинальная, поражающая дикость имѣетъ здѣсь свою прелесть. На вершинѣ лѣвой окраины есть также бесѣдка, перила, мостикъ, по которому при насъ преспокойно прошли три коровы. Чтобы попасть на лѣвую сторону, надобно сдѣлать окольную дорогу версть семь. Не желая оторваться отъ водопада, въ короткое время, которое намъ оставалось, мы не рѣшились, на этотъ разъ, побывать на лѣвомъ берегу. Въ верху Иматры, у самага входа Вуоксы, постоянно виднѣются, какъ я уже сказалъ, будто два водяные колеблящіеся снопа съ серебряными колосьями; ихъ образуетъ вода, напиральная на камни. Сливающаяся съ нихъ безконечно влага идетъ пѣнистымъ валомъ

къ правой стѣнѣ, отъ нея, — къ лѣвой, образуя какъ бы огромный изогнутый хвостъ чудовища, въ серебристой мохнатой чешуѣ; валъ этотъ опять изгибается, но вдругъ на полупути уходитъ будто въ бездну, и встрѣчаясь съ противоположнымъ скатомъ воды съ какого-то препятствія, вскипаетъ, бугрится, опускается, вскидывая вверхъ мириады брызгъ, рассыпающихся на солнцѣ блестящими хрусталами. Пѣнящаяся влага, вздымаясь опять, хлещетъ обо что-то подъ водою, кидается впередъ призракомъ, встрѣчаетъ на воздухѣ подобный же призракъ и будто играя, бросается съ нимъ въ пучину. Отсюда опять вьется валомъ къ берегу, всплескивая на него сильно. Наконецъ передъ нами, мимо бесѣдки, вспѣненная вода съ ужасною быстротою, ревомъ и силою несется, въ видѣ какой-то чудовищной шеи съ бѣлою гривой, которую образуетъ шипящая пѣна у противоположной скалы. Голова этого чудовища, скрываясь въ бассейнѣ, кажется, грызетъ дно его, а

надъ нею, въ нѣсколько рядовъ по бассейну стоятъ водяные колеблющіяся снопы съ серебряными колосьями, непрерывно осыпающимися. Далѣе бассейнъ, образуемый поворотомъ Вуоксы, блеститъ какъ бугроватое зеркало; бугры мало по малу холмятся, начинаютъ пляску около береговъ и съ шумомъ исчезаютъ за лѣсомъ противоположнаго берега.

Чтобы изобразить Иматру на холстѣ, я выбралъ бы нѣсколько точекъ, а для общаго вида ея, всталъ бы на высокомъ берегу, прямо противъ водопада. Тутъ на первомъ планѣ вверху — рѣка Вуокса, въ видѣ полукруглаго бассейна, обставленнаго лѣсомъ; въ этотъ бассейнъ между гранитныхъ скалъ, покрытыхъ зеленью, врывается, какъ снѣжная, блестящая подъ солнцемъ гора, Иматра, принимающая свои воды изъ широкой синей Вуоксы. По сторонамъ вдали около зеленыхъ горъ хижинны, а надъ всѣмъ — широкое голубое небо. Но, увы! ни перо, ни кисть не дадутъ живаго понятія о той адской му-

зыкѣ, которую производитъ клопочущая Иматра и распространяетъ далеко по окрестностямъ. А эта музыка, этотъ дикій хоръ неуловимо сливающихся голосовъ есть ея самая поразительная оригинальность; только подъ этой музыкой неправильныя формы ея наводятъ страхъ на душу зрителя. Но чтобы окинуть глазомъ одну массу воды, бьющуюся въ каменныхъ стѣнахъ, для этого, конечно, лучшая точка зрѣнія изъ нижней бесѣдки, гдѣ мы сидимъ.

Къ бесѣдкѣ подошли нѣсколько финскихъ мальчиковъ съ корзинками камешковъ, которые набираютъ они у береговъ и которые выдѣлываетъ прихотливая Иматра. Между камешками были похожіе на маленькія круглыя табакерки, на бисквиты; одинъ имѣлъ форму плывущей женщины, охватившей руками подушку; другой — форму утки. Этотъ послѣдній я оставилъ у себя на память объ Иматрѣ. Камешки эти сѣроватаго цвѣта, скоблятся какъ грифель. Мелкія монеты наши

понравились ребятишкамъ: они притащили пукъ большихъ прутьевъ и стали кидать въ водопадъ; прутья исчезали въ потокѣ, какъ брызги. Оставивъ на нѣскольکو минутъ бесѣдку, мы пошли вверхъ къ истоку Иматры по тропинкѣ, которая стѣною, образовавшеюся изъ огромныхъ камней, наваленныхъ не рукою человѣка, отдѣляется отъ теченія Иматры. Гдѣ ни остановишься по этой дорожкѣ, чтобы съ камня посмотрѣть на шумящій потокъ, непременно заглядишься нѣсколько минутъ. На берегу Вуоксы, передъ истокомъ Иматры, видѣли мы художника, который снималъ видъ на полотно. Мы опять возвратились въ бесѣдку. Въ три часа Эриксенъ прислалъ объявить намъ, что обѣдъ готовъ. Не подумай, однакожь, что твой пріятель, между финляндскими видами, такъ потерялъ изъ виду любимое свое наслажденіе — покушать, что ему надобно было напоминать о томъ. Нѣтъ, онъ всегда и вездѣ предпочитаетъ полезное пріятному; но здѣсь ужь, вѣроятно, такъ слу-

чилось, вѣроятно потому, что путешествіе это было минутное, а не кругосвѣтное.

Въ павильонѣ мы нашли уже за столомъ четырехъ человѣкъ. Одинъ, почтенныхъ лѣтъ, старательно придававшій себѣ видъ солиднаго, повидимому швейцарецъ, былъ менторомъ сидѣвшаго подлѣ него юноши, также непріятно связывавшагося. Возлѣ нихъ, по одну сторону сидѣлъ молчаливо тотъ художникъ, котораго мы видѣли на берегу Вуоксы, а по другую сторону — какой-то молодой человѣкъ, объявившій себя инженеромъ. Остававшіяся между послѣдними два мѣста заняли мы. Инженеръ почему-то принялъ-было насъ за иностранцевъ, пріѣхавшихъ изъ-за границы; мы успѣли разуверить его. На наши восклицанія объ Иматрѣ инженеръ замѣтилъ, пошевеливъ знаменательно губами, что въ этомъ водопадѣ нѣтъ ничего грандіознаго. — «Правда», — возразилъ я, — «грандіознаго нѣтъ, но есть привлекательная, поразительная особенность». Молодой инженеръ, очень образо-

ванный Финнъ, заговорилъ съ гувернеромъ. Гувернеръ не замедлилъ показать, что онъ читалъ геогностическія наблюденія разныхъ геологовъ о Финляндіи. Коснулись и исторіи. Инженеръ упомянулъ между прочимъ, съ убѣжденіемъ, что Финны происходятъ отъ Гунновъ и составляютъ отрасль Венгровъ. По поводу вопроса моего о происхожденіи или значеніи слова «Иматра», котораго онъ не могъ рѣшить, онъ заговорилъ о финской филологіи.... Мнѣ понравилась особенно горная форель, подъ соусомъ, которую подалъ Эриксенъ. За столомъ пришлось мнѣ сидѣть прямо противъ окна, въ которое видѣлась синія Вуокса съ своимъ бѣло-рушнымъ стадомъ; справа отъ насъ, обрамленная зеленью, шумѣла Иматра. При такой обстановкѣ, за обѣдомъ, страннымъ кажется разговоръ, гдѣ одинъ старается поддержать въ себѣ достоинство ментора, а другой — показать свои знанія, недавно пріобрѣтенныя. Уклоняясь отъ разговора, я наслаждался музыкою водопада, видомъ

рѣки въ зеленыхъ берегахъ, облитыхъ солнцемъ, подъ широкимъ голубымъ небомъ. Чудно, братъ, пообѣдать гостемъ въ такомъ мѣстѣ! Я пожалѣлъ, что не было съ нами тебя и еще нѣкоторыхъ: трапеза наша обратилась бы тогда въ пиршество душъ и сердець.... Вкусный сытный обѣдъ, изъ четырехъ блюдъ; передъ нимъ закуска, и въ заключеніе чашка кофе стоили для каждаго 75 копѣекъ. Послѣ обѣда мы отправились опять въ нашу бесѣдку. Солнце переходило на правую сторону Иматры. Черезъ часъ, лѣвая скала освѣтилась ярко, а правая положила нѣсколько тѣней на срединѣ kloкочущей Иматры. Хотя мы уже полсутки смотримъ на этотъ водопадъ, мы все еще смотримъ какъ на что-то ненаглядное. Тутъ столько сомою разнообразной игры, что глазъ едва замѣтитъ одно, какъ уже переносится на другое, на третье и далѣе. Напримѣръ, вода вскидывается на уступы, выбитые въ скалахъ, и сливается то ручьемъ, то кристалломъ, и это повторяется безпре-

станно въ разныхъ мѣстахъ, въ различныхъ видахъ....

Но вотъ странность! Приблизившись въ первый разъ къ Иматрѣ, я былъ объятъ страхомъ и — отступилъ, какъ бы боясь, что земля вмѣстѣ со мною покатится въ кипучую пучину; а теперь не болѣе какъ черезъ двѣнадцать часовъ, я сижу на камнѣхъ возлѣ той же самой пучины, крупныя брызги, чуть не всплески, орошаютъ меня, а мнѣ такъ и хочется нырнуть въ играющія воды. Свойство ли это природы человѣческой, или вода имѣетъ въ себѣ обаятельную силу? Правда, не разъ случалось мнѣ въ темную ночь, надъ хлябями Невы, убѣждаться, что баллада Гете, «Рыбакъ», могла родиться при подобномъ впечатлѣніи.... Ненасытимость желаній развернулась еще болѣе. Едва мой товарищъ заикнулся, что хорошо бы посмотрѣть на Иматру зимою, когда дикая мѣстность совершенно мертва, и только водопадъ бужуется; а еще бы лучше посмотрѣть на него въ темную августовскую ночь, да

освѣтить бы его разноцвѣтными огнями, — какъ я выразился еще пошире, — «да устроить бы на берегахъ самое дружеское, изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, веселье; составить бы хоры, разыграть, огромнымъ оркестромъ, симфонію Бетгоvena, подъ грохотъ Иматры!...» Но полно мечтать; время близится къ возвратному пути. Зачѣмъ оно летитъ быстрѣе Иматры!...

Походивъ еще по берегу Вуоксы, мы, въ пять часовъ вечера, разстались съ Иматрою. Въ планѣ нашей поѣздки предполагалось отправиться еще подальше, на Саймскій каналъ, но намъ оставался только вторникъ, а еще надобно было добиться, гдѣ бы получить билеты на пароходъ; объявленій объ этомъ нигдѣ нѣтъ; надобно все распрашивать въ самомъ длинномъ значеніи этого слова. Эриксенъ предложилъ намъ, до первой станціи, двуконную тележку, съ тѣмъ чтобы извозчикъ свезъ насъ нѣсколько верстъ всторону, посмотрѣть небольшой водопадъ *Кюро-коски*.

Послѣ Иматры, это — игрушка, но интересная. Въ небольшомъ озерѣ, составляющемъ часть рѣки Вуоксы, обнесенномъ высокими крутыми берегами, стоитъ, по самой срединѣ, островокъ, покрытый деревьями; возлѣ него каменный уступъ (по фински — *kâscki*), и выказывающіеся разной величины камни; между нихъ и черезъ нихъ хлещетъ катящаяся Вуокса. У одного берега, въ полумракѣ, куда свѣтъ заслоненъ поворотомъ высокихъ береговъ, видны лодки: на нихъ рыбаки добываютъ форель, но пускаются осторожно только до половины озера; далѣе — гибель. Надобно видѣть странности Вуоксы прежде, нежели взглянешь на Иматру: впечатлѣнія разнообразной игры водъ, послѣ нея, уже слабы. Мѣстность эта однакожь останавливаетъ взоръ; высокіе угрюмые берега, будто задумавшись, смотрятъ на играющіе у подошвы ихъ воды. Задумался, братъ, и твой пріятель, стоя на крутизнѣ береговъ...

Возвратясь отъ *Кюро-коски* пѣшкомъ, потому что нельзя къ нему подъѣхать, и

заплативъ вожатому, который услужливо доводитъ опять, мимо паши, лѣса и огородовъ, до своей уединенной хижины, у которой остановилась наша тележка, мы хотѣли ѣхать, но встрѣтили инженера, съ которымъ видѣлись за обѣдомъ; онъ отправлялся подъ-руку съ почтенной дамой на *Кюро-коски*. — «Вы скоро ѣдете?» — спросилъ онъ насъ. — «Сейчасъ ѣдемъ». — Инженеръ отправился, а нашъ извозчикъ объявилъ намъ, что инженеръ просилъ постеречь его двухколесную таратайку и лошадь, принадлежащую Эриксену. Мы съ товарищемъ улыбнулись такимъ безцеремоннымъ распоряженіямъ, но рѣшились тѣмъ и ограничиться; притомъ же молодой человекъ съ дамою, да и лошадь — Эриксена.

Около хижины вожатаго стояло нѣсколько дѣтей и женщина, повидимому, ихъ мать съ ребенкомъ на рукахъ. Далеко отъ хижины нѣтъ другаго жилья, какъ это и часто замѣчаешь въ Финляндіи. Мы ласкали дѣтей и хозяевъ, но къ сожалѣ-

нію, не зная финскаго языка, не могли распросить о бытѣ ихъ, ни узнать ихъ желаній, ихъ радостей, или горестей. А гдѣ жъ ихъ нѣтъ! Желаніе общительности не исчезло въ сердцѣ окружившихъ насъ: они казались довольными, что ихъ уединеніе хоть на мигъ нарушено живыми существами.... Но вотъ возвратилась наша пара, и мы пустились въ обратный путь. Для сокращенія дороги, извозикъ повезъ насъ лѣсною тропинкою; за нами слѣдовалъ и инженеръ съ дамою. Эта протоптанная дорожка очень неудобна: тряска и вѣтви деревъ безпрестанно беспокоятъ: но мы хотѣли узнать свойство гостепріимства туземныхъ дѣтей природы, и оставили всѣ претензіи. А вотъ мы и опять на почтовой дорогѣ, уже знакомой намъ; опять горы, лѣса, долины, воды, мостики, кое-гдѣ хижины. На первой станціи мы разстались съ нашимъ извозникомъ и послали съ нимъ поклонъ Эриксену и Иматрѣ. Я забылъ тебѣ сказать, что счетъ издержекъ нашихъ на Иматрѣ составилъ не

много болѣе шести рублей. На этой станціи съѣхались вдругъ трое требователей лошадей: мы, инженеръ съ дамою и комфортабельный шарабанъ съ дамою и нѣсколькими денди, отправлявшимися на Иматру. Хотя мы подѣхали первые, но уступили инженеру: онъ очень заботился о дамѣ и спѣшилъ возвратить свою лошадку нашему кучеру, для доставки ее домой. Шарабанъ, вѣроятно, строго соблюдая приличія, ожидалъ своей очереди послѣ насъ. Тележку нашу обступили нѣсколько Финновъ. Явилась и нищая; данная ей серебряная монетка, казалось, расположила къ намъ Финновъ: они очень поворотливо и весело впрягали лошадей; а мы покуда забавлялись съ собравшимися около насъ ребятами и Финками. Шарабанъ, поглядывая на нашъ неджентльменскій экипажъ и на самихъ насъ, нисколько не стѣснявшихся, легкихъ, какъ птицы, сидѣльчино и безмолвно. Миѣ показалось даже, что дама съ участіемъ поглядывала на наше веселье; и — я душевно пожалѣлъ о

ихъ стѣснительномъ комфортѣ. Наконецъ мы вспрыгнули въ тележку. — «Ну, каттай!» — сказалъ я. Извозчикъ взялся за возжи; но тутъ — всѣ Финны и мы разразились хохотомъ: къ одной изъ нашихъ лошадей забыли прицѣпить возжи. Наконецъ мы опять помчались по той же дорогѣ, по которой мчались вчера, только предметы, видѣнные нами вчера въ сумеркахъ юньской ночи, были теперь еще освѣщены, и покрывались легкимъ мракомъ по мѣрѣ приближенія нашего къ Выборгу. Такое освѣщеніе, совершенно противоположное вчерашнему, доставило намъ своего рода удовольствіе. Прибавь къ этому картины, увезенныя воображеніемъ съ Иматры, съ ея окрестностей, шумъ Иматры, дикую музыку водъ, раздающуюся еще и по сю пору въ ушахъ, — и ты поймешь наше положеніе на дорогѣ. Поглядывая на встрѣчающіеся огороды около хижинъ, на немногія, порядочно колосающіяся поля, я замѣтилъ, что всѣ они обнесены тыномъ, вѣроятно, для охраненія

нія отъ какихъ нибудь животныхъ. Отчего же, думалъ я, пучина Иматры ограждена не очень заботливо, а мѣстами и вовсе обнажена; а между тѣмъ на дворѣ, гдѣ павильонъ, я видѣлъ коровъ, лошадей, дѣтей; а именно здѣсь, у истока-то и нѣтъ никакой ограды?... Но вотъ, день совсѣмъ угасъ; въ хижинахъ все успокоилось. По дорогѣ попадаются телеги съ кладью досокъ; извозчикъ крикомъ издалека постороняетъ ихъ. Луна то показывается изъ за горъ, то висится надъ полемъ или озеромъ. Туманы тянутся, и нерѣдко разлившійся по полю туманъ принимаемъ мы за огромное озеро. Безмолвіе повсюду....

Горныя вершины

Спятъ во тьмѣ ночной;

Тихія долины

Полны свѣжей мглой....

началъ-было я цитировать, какъ вдругъ тележка застучала по мостовой: мы въѣжаемъ въ Выборгъ. — Ближайшая гостиница — Hôtel de Sociéte. Мы остановились; разбудили спавшихъ служителей.

Говорятъ — всѣ мѣста заняты. Къ счастію мѣсто отыскалось; насъ повели черезъ дворъ; потомъ по какой-то необыкновенной лѣстницѣ, какъ я замѣтилъ при тускломъ свѣтѣ фонаря въ рукахъ мальчика. Мальчикъ отворилъ дверь, зажегъ свѣчу въ покоѣ и отправился за чаемъ. Въ ожиданіи чая, мы оглядѣли наши какія-то странныя двѣ комнаты, съ небольшими окнами, на самомъ полу, отстоящими отъ потолка на два аршина. По четыремъ стѣнамъ этихъ комнатъ, слегка меблированныхъ, мы съ удивленіемъ замѣтили вѣшалки для платья. Никакъ не могли мы придумать, для чего тутъ столько вѣшалокъ. Съ свѣчею въ рукѣ вышелъ я посмотреть наши сѣни, показавшіяся мнѣ странными при входѣ. Смотрю — въ сѣняхъ какая-то полукруглая стѣна, какъ въ театральныхъ корридорахъ; въ стѣнѣ рядъ дверей, на каждой надпись: Rang-Loge № 8, Rang-Loge № 9, и т. д. Одна дверь не заперта; я отворяю ее, и представъ мое удивленіе — мы въ театрѣ! Комнаты, въ

которыхъ насъ помѣстили, за недостаткомъ другихъ, составляютъ помѣщеніе для актеровъ, прїѣзжающихъ сюда зимою. Изъ одной комнаты есть и сходъ прямо на сцену. Мы осмотрѣли театръ на другой день. Онъ поменьше нашего Михайловскаго, но устроенъ какъ нельзя лучше. Сцена очень помѣстительная, партеръ — также; зрителямъ на всѣхъ мѣстахъ прекрасно. Для Выборга онъ, какъ говорятъ, еще великъ. — Окна нашей артистской квартиры обращены были на большой дворъ, образовавшійся какъ-то оригинально: онъ замыкается клубомъ, театромъ, кладовыми, полицейскимъ домомъ съ пожарными трубами и наконецъ торговыми лавками. Ночные обычаи Выборга, во время двухъ ночей, проведенныхъ нами въ отелѣ, показались мнѣ забавными. Вотъ — ночь. Въ городѣ тихо все, рѣдко услышишь стукъ колесъ; но едва пробьетъ часовой колоколь, какъ за нимъ глухой, протяжный гулъ трубы съ лютеранской церкви объявляетъ, что все въ городѣ спокойно;

заэтимъ ночные стражи начинаютъ неистовымъ распѣваніемъ желать гражданамъ доброй ночи; потомъ въ разныхъ мѣстахъ принимаются стучать въ доски; до слуха долетаютъ еще какія-то свирѣлки или свистѣлки — не знаю. Коротко — надобно привыкнуть, чтобы, при такомъ спокойствіи въ городѣ, провести ночь спокойно.

На другой день мы выкупались въ морѣ и потребовали кофе, который здѣсь, надо замѣтить, лучше чая, да и дешевле, такъ что за чайникъ чаю, — который наименовали почему-то двумя порціями, вѣроятно, потому что насъ было двое, — взяли 60 копѣекъ, а за такой же чайникъ кофе — 50 копѣекъ. За неимѣніемъ какого-либо указателя, мы, по указанію служителей клуба, отправились въ купеческую контору купца Рота, гдѣ и получили билеты на пароходъ, Викторія, для возвращенія въ Петербургъ. — Съ этой минуты начали посѣщать насъ докучныя гости, — заботы о Петербургѣ: пароходъ долженъ былъ

отправиться въ восемь часовъ утра. Мы побродили еще по улицамъ Выборга. Въ два часа собралось въ клубъ, за table d'hôte, человекъ тридцать. Обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, съ закуской и чашкою кофе, стоитъ съперсоны пятьдесятъ копѣекъ. Послѣ обѣда дождь помѣшалъ нашимъ экскурсіямъ; зато мы разыгрывали на сценѣ Выборгскаго театра разныя импровизаціи, или продовольствовались какою-то повѣстью изъ взятой нами съ собою книги. Въ заключеніе, заплативъ отелю за наше помещеніе и за все требуемое нами, около шести рублей, мы улеглись подъ звуками городскихъ часовъ, трубы, разныхъ пѣній и стукотни въ доски, живо воображая дикую Иматру съ ея грохотомъ и плесками.

Въ шесть часовъ утра мы были уже на ногахъ, а скоро — и на пароходѣ, который, при сіяніи солнца, пустился по волновавшемуся морю. Наше морское путешествіе отъ Выборга и сухопутное до Иматры показалось мнѣ теперь, по обстановкѣ, одинаковымъ; разница только та,

что здѣсь подѣ нами вода, а тамъ — суша, бывшая, можетъ статья, когда - нибудь также подѣ водою. Спутниковѣ на пароходѣ было человекѣ болѣе двухѣ сотѣ. Не хотѣлось мнѣ нарушать моихѣ сладкихѣ впечатлѣній: потому я опять уклонился отѣ всякаго наблюденія надѣ нравственнымѣ мїромѣ окружающихѣ меня. Я просидѣлъ дорогу до Кронштадта, вмѣстѣ съ немногими, на томѣ возвышеніи, съ котораго капитанѣ управляетѣ ходомѣ судна. Качаясь на пароходѣ, какѣ въ колыбелькѣ, любуясь волненіемѣ моря, шхерами, я только разѣ заговорилѣ - было съ однимѣ изѣ пассажировѣ, небезызвѣстнымѣ въ нашемѣ ученомѣ мїрѣ: — «Люди-то, какѣ насѣкомыя», — сказалѣ я, когда онѣ обратился къ хижинамѣ на шхерахѣ, — «совьютѣ себѣ гдѣ-нибудь гнѣздо». — «Да», — улыбувшись, отвѣчалѣ онѣ. — «Уже ли бѣдный промыселѣ для нихѣ вся жизнь?» — «Да, вѣдь они рыбу добываютѣ», — отвѣчалѣ онѣ серьезно. Такимѣ отвѣтомѣ и кончился нашѣ любо-

звательный разговорѣ. Я опять слушалѣ только говорѣ валовѣ, свистѣ начавшейся бури, любовался картинностію дикой природы и картинами въ моемѣ воображеніи.... У Кронштадта простояли мы, колыхаясь на волнахѣ, съ полчаса, пока таможенные чиновники исполнили свои обязанности надѣ пароходомѣ; потомѣ поплыли въ Петербургѣ, куда и явились въ пять часовѣ вечера, и откуда я посылаю къ тебѣ мое подробнѣйшее описаніе нашей прогулки. А жаль, что нѣкоторые отказываютѣ себѣ въ такомѣ удовольствіи, боясь издержекѣ: пять дней стоили каждому изѣ насѣ около двадцати рублей; такую сумму для такой прогулки, кажется, можно составить, отказавшись хоть отѣ нѣкоторыхѣ столичныхѣ гуляній.

Окончивѣ письмо мое, я подумалѣ, — какое же оно вышло длинное! Какѣ я разговаривалѣ о своей коротенькой поѣздкѣ! А между тѣмѣ, хотѣлось бы еще поговорить о нѣкоторыхѣ предметахѣ, такѣ они

увлекаютъ меня; да и описывая то ихъ, я будто снова гулялъ между ними. Отчего же, мнѣ встрѣчались многіе, ѣздившіе гораздо далѣе, а они такъ мало говорятъ о своихъ поѣздкахъ? Ужели они ѣздили только чтобъ ѣздить? Ужели они, какъ пароходы, возятъ своихъ пассажировъ — свои прихоти, свои страсти, не заботясь, для чего они возятъ этихъ господъ своихъ?... Но я не кончилъ бы моихъ вопросовъ, еслибъ не зналъ, что ты давно уже дѣлаешь ихъ напрасно.... Прощай.

1885
1. 1260

